

ОБЕР-ПРОКУРОР СИНОДА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В изучении положения русского православного духовенства во второй половине XIX в. велико значение фигуры Обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. В статье рассмотрена деятельность Победоносцева по налаживанию деловой переписки и изучению положения дел в духовном ведомстве.

Будучи одним из творцов курса политической реакции, имея большой вес и влияние в правительстве и лично на государя Александра III, К. П. Победоносцев сыграл большую роль в оформлении направленности внутренней политики 1880-х гг. как антитезы реформам 1860–1870-х гг. и в усилении позиций Русской Православной Церкви в государстве.

Д. В. Поспеловский в книге «Русская православная церковь в XX веке» писал: «По своему обскурантизму, реакционности и деспотичности Победоносцев, вероятно, побил все рекорды обер-прокуроров минувшего века. Но, будучи мизантропом, он видел спасение не в просвещении и свободе, а в охранительности, сохранении любой ценой неподвижности традиционных начал и структур. Он понимал, что эта традиционная структура, ценности и понятия народа цементируются церковью, бытовой религиозностью и неким инстинктивным христианством» [1, с. 22].

С 1868 по 1880 гг. выходит главный труд К. П. Победоносцева «Курс гражданского права», в котором, рассуждая о вере, Обер-прокурор подчеркивал, что он «всегда имеет в виду не догматическую веру, не учение веры, но именно «простую веру», т.е. чутье или чувство, так называемую «веру угольщика» как инстинкт, уточняя при этом, что «народ не понимает решительно ничего ни в службе церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у молитвы» [2, с. 201–203].

По отзывам современников, К. П. Победоносцев ценил сельское духовенство, «немудреных пастырей наивного стада» и не любил действительных духовных лидеров православной церкви. Этим можно объяснить пристальный интерес Обер-прокурора Синода к выборам и назначениям епископата и ужесточение духовной цензуры. В начале 1890-х гг. прекращается издание некоторых богословских журналов: «Православное Обозрение», «Чтения Московского общества любителей духовного просвещения», «Прибавления» Московской академии.

К. Леонтьев в одном из своих писем, относящихся к 1880-м гг., писал: «Ограничить всю жизнь церкви одним охранением значило бы обрекать ее почти что на полное бессилие. Запрет не есть средство убеждения. Положим нам сказано, что под конец останется мало избранных, но так как нам сказано тоже, что верного срока этому концу мы знать не будем до самой последней минуты, то зачем же нам преждевременно опускать руки и лишать церковь всех тех обновляющих реформ, которыми она обладала в ее лучшие времена, от сошествия Св. Духа до великой победы иконопочитания над иконоборством и т.д. Теперь время богословствовать, особенно мирянам. Личную жизнь

нужно связать послушанием, но ум должен оставаться свободным, конечно, в пределах догмата и предания. Ведь есть новые вопросы, и о них подобает писать мирянам, исследуя пути» [3].

Сущность проводимого К. П. Победоносцевым «охранения жизни церкви» была выражена в изданных в «Гражданине» в 1889 г. «Правилах о присуждении богословских ученых степеней», по которым были запрещены сочинения о еретиках и ересях, в которых «отрицается, хотя бы и с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям». Особому запрету подверглись исследования, в которых «неблагонамеренно выставлялись в ложном свете какие-либо учреждения и установления отечественной церкви» [4].

В проповедуемой Обер-прокурором Синода охранительной политике 1880-х гг. просматривалось выделение двух категорий паствы: «простой народ» и интеллигенция. «Простой народ» в этой ситуации не нуждался в ученом богословии, т.к. и без этого он может жить правильно и честно, имея духовных пастырей. Присущая К. П. Победоносцеву некая идеализация «сельского пастыря, близкого и хорошо понятного простому народу» наглядно демонстрировала незнание положения дел на местах.

Особенно много сетований на падение влияния духовенства в обществе содержалось в 1880-е гг. в корреспонденции К. П. Победоносцева. Например, в записке предводителя дворянства из Черниговской губернии И. С. Листовского «Россия в настоящем и ее исторические опыты», датированной 31 декабря 1881 г., была сделана попытка анализа положения церкви в государстве в начале 1880-х гг. Он писал: «Правительство, отрешившись от духовного единения с церковью, стало смотреть на нее как на политическое учреждение. Но здесь и является ошибка: форма не может дать глубокие связи народу и служить правительству орудием для влияния на последних». Космополитизм стал присущ высшей среде государства. На церковь смотрят все с равнодушием. Равнодушие это является отчасти плодом иностранного воспитания, преобладания в государственном управлении лиц чужой народности и чужой церкви. Православных в империи 55885691 душа (1876 г.), расходуется на церковь из Государственного казначейства 8726017 руб. (на душу – $15\frac{2}{3}$ коп.); католиков – 7494516 душ, расходуется – 1739959 руб. ($23\frac{1}{4}$ коп.)» [5].

Подобные высказывания о «засилье инородцев» в высших эшелонах власти стали все чаще звучать в официальных записках и в ряде периодических изданий со второй половины 1880-х гг. Русскую Православную Церковь обвиняли в этой связи в попустительстве проникновению иноверцев в высшие слои общества.

Корреспонденты К. П. Победоносцева адресовали ему свои записки, разделяя при этом его политические взгляды и ту программу мероприятий, которой он придерживался как Обер-прокурор Святейшего Синода.

В отчетах о состоянии епархий, как и в предыдущий период, лейтмотивом звучали жалобы на упадок сельских приходов, что касалось практически всех губерний Российской империи. Так, епископ Нижегородской и Арзамаской епархии в своем отчете за 1889 г. писал: «Степень умственного развития священников епархии удовлетворительна, но нельзя сказать того же о прочих

членах причта, особенно о псаломщиках, кои вследствие отчасти нужды материальной, отчасти недостаточной учебной подготовки, а более просто по нерадению – в большинстве не обнаруживают даже и стремления к просвещению себя. При существовании старого устава считалось, что материальное состояние духовенства Нижегородской епархии было более удовлетворительно, хоть в то же время много было приходов, в которых материального благосостояния члены причта достигли только при усиленных занятиях по хозяйству. Много было и таких, в которых причты терпели крайнюю скудость по причине или бедности самих прихожан, нерасположенности их к духовенству, или же по многочисленности семейства самих священников. Общая удовлетворительность материального положения достигалась отчасти сокращением приходов и причтов. С введением же новых правил о приходах положение духовенства в значительной степени изменилось к худшему. Число священнослужительских вакансий увеличилось на 340, тогда как источники содержания духовенства остались одни и те же» [6, л. 40, 47].

Епископ Владимир именно в отчете за 1889 г. уделил большое внимание анализу материального положения причтов, считая этот вопрос не решенным в период реформ и все более и более усугубляющимся в 1880 гг. В частности, он писал: «Вследствие общего обеднения, плохих урожаев, низких цен на хлеб, многочисленности всякого рода поборов и налогов крестьяне, видимо, сильно тяготятся исполнением своих приговоров, заключенных в семидесятых годах по обеспечению быта духовенства, ремонту церковных домов. Во многих местностях материальное положение духовенства находится в крайне печальном состоянии: сборы натурой уничтожены, обязательные взносы платятся несвоевременно или вовсе не вносятся, плата за требоисполнения, переведенная на денежные оклады, также перестала быть источником содержания. В настоящее время с введением постановления диаконов, священник в приходе с 700 душ получает вместо прежних 420 руб. только 280 руб., псаломщик 93 руб. 33 коп., где 800 или 900 душ вместо 480 руб. – всего 320 руб., а псаломщик 108 руб., так что священники больших приходов пользуются меньшим вознаграждением, чем священники в малых приходах, равно как и псаломщики» [6, л. 48–48 об.]. Жалобы на нищенское существование приходского духовенства, явившиеся причиной разработки проектов церковных реформ в этой части, продолжали звучать в отчетах из епархий как в конце 1850-х гг., так и на протяжении всего пореформенного периода. На словах понимание униженного положения сельских причтов присутствовало на всех уровнях, но на деле реальных изменений к лучшему именно в плане поднятия авторитета белого духовенства в глазах населения не произошло. Сокращение числа приходов не решило проблему, т.к. «способы содержания духовенства, особенно сельского при мало-приходских церквах, были весьма скудны» [7].

Именно к началу 1890-х гг. в большинстве официальных записок звучала тревога о «религиозно-нравственном состоянии паствы» в епархиях. Все более становится очевидным падение престижа духовенства. Как писал в официальной записке, датированной 20 января 1892 г., помещик Нижегородской губернии Н. М. Веселовский: «Зачем в стране, где (кроме городов) духовенство почти нищенствует, было ослаблено его кастовое устройство? Результат сказался скоро: у попа 3 сына, 2 – умных, 3-й – плохой. Умные – один в доктора, другой – в юристы, плохой – в попы. Ну подонкам ли условия, и без того обездоленного торопливостью нашей истории (Петер-

бургского ее периода), поддержать на своих захудалых плечах религиозность народа, для которого вне религии и ее необходимого сосуда, церковности, нет и не может быть иного нравственного обуздания? Мужики справедливо ныне говорят – «всех в острог не засадишь», и они правы: коли совесть массы не на привязи...» [8].

Духовенство явно не справлялось с возлагавшейся на него государственной функцией «держать совесть массы на привязи». Непосредственным итогом реформ, вопреки ожиданиям правительства, стало заметное охлаждение в отношениях прихожан и духовенства, распространение равнодушия к вере не только в образованном обществе, но и нижних слоях населения, что проявлялось в критике церкви и особенно приходского духовенства, нежелание верующих принимать правила приходской жизни, навязанные сверху, отказ земств от поддержки усилий церкви по развитию системы церковно-приходских школ и материальной помощи причтам.

Первенствующая роль государства в делах церкви, оформленная юридически в Синодальный период, обусловила перерождение высшего духовенства в духовную бюрократию, которая в пореформенный период являла собой образец мировоззрения высшего чиновничества. Согласно статье 43 Основного государственного закона, «в управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного» [9]. Усиление чиновно-бюрократического начала в управлении было связано с выведением из подчинения Синода хозяйственных дел и управления духовными училищами, которое было передано в Хозяйственное управление и Духовно-учебное управление с введением штатов светских чиновников по принципу департаментов министерств, что вызвало резкое недовольство большинства церковных иерархов. Служащие управлений и канцелярии Синода получали из церковных денег оклады, пенсии, сходные с теми, что платили в министерствах. Обер-прокурор Синода участвовал в заседаниях Государственного Совета, представлял царю кандидатуры на назначение архиереев в епархии. К нему поступали все жалобы по церкви, поданные на имя императора [10].

В этом плане интерес представляет официальная записка И. С. Листовского от 31 декабря 1881 г. Автор подчеркивал, что власть Обер-прокурора в период реформ была уже настолько велика, что архиереи даже не мыслили «заявлять свое мнение» по проектам реформ или по кадровым назначениям. «Как же настоящему Архиерею-чиновнику, – писал И. С. Лисовский, – не благоугодить тому, от кого зависят не только награды, повышения, но и судьба Архиерея? Таким образом, Священный Синод превратился из Собора в Департамент духовных дел православного исповедания, где директором департамента – Обер-прокурор. Представители же Церкви не имеют никакого значения. Таким образом, Церковь лишена ее духовной жизни. За нею оставлена лишь формальная сторона, которая может служить разве разъединением обществу, не составляя более живой ее связи» [11].

Такая точка зрения высказывалась довольно часто именно в 1880-х гг. в корреспонденции, направляемой Обер-прокурору К. П. Победоносцеву из епархий. Причины крылись не только в незавершенности церковных реформ, которые коснулись напрямую далеко не всех приходов, но и в проблемах на уровне местного управления церковью.

Все делопроизводство возлагалось на секретаря консистории, который возглавлял канцелярию и нес ответственность за соответствие принимаемых решений нормам церковного права. Секретаря назначал и увольнял сам Обер-прокурор при формальном утверждении Синодом. Согласно Уставу духовных консисторий, секретарь, «находясь под ближайшим начальством епархиального архиерея, состоит вместе с тем в непосредственном ведении обер-прокурора Св. Синода, как блюстителя за исполнением законных постановлений по духовному ведомству, и обязан исполнять все его предписания» [12].

Консисторская канцелярия подразделялась на столы, где работали государственные чиновники, получавшие штатное жалованье, классные чины и поощрения на таких же основаниях, как и прочие казенные служащие. Обер-прокурор Синода, расширив и укрепив свое положение до уровня главы министерства в государственном аппарате, в то же время распространил свое влияние и на епархии, т.к. секретарь стал как бы личным представителем обер-прокурора на местах, отсылая своему столичному начальству подробные отчеты о положении дел в епархии, сведения об архиерее, благочинных вплоть до сплетен. Помимо неофициальных записок, секретарь с помощью чиновников на основании отчетов благочинных, ректоров семинарий, директоров училищ готовил официальные справки и годовые отчеты по епархии. Делопроизводство церковного ведомства ничуть не уступало по объему и числу нерешенных дел канцелярии губернатора. Секретарь, на котором замыкалось все делопроизводство, а объем бумажного вала значительно возрос в период реформ 1860–1870-х гг., стал ключевой фигурой епархиального управления. В переписке архиереев встречались сетования на то, что без толкового секретаря «наладить управление в епархии невозможно» [13].

Объем епархиального делопроизводства на протяжении 1880-х гг. неуклонно нарастал. К. П. Победоносцев использовал практику, помимо официальных отчетов, испрашивать через канцелярию обер-прокурора необходимые сведения от архиереев путем прямых обращений к ним.

Так, в письме к архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве от 23 октября 1881 г. К. П. Победоносцев обратил внимание священнослужителя на то, что «при возникающих в печати и в правительственных сферах вопросах и суждениях относительно раскола представляется необходимым иметь по возможности точные сведения о состоянии раскола в каждой епархии» [14, л. 4].

Имея в своем распоряжении отчеты из каждой епархии с подробными статистическими сведениями, Обер-прокурор при подготовке того или иного вопроса заставлял собирать дополнительные «по возможности точные» сведения относительно положения единоверия, о числе единоверческих приходов, прихожан и духовенства при единоверческих церквях или молитвенных домах. В первый год своего нахождения в должности Обер-прокурора К. П. Победоносцев обратился к архиепископам с просьбой: «...сделать зависящее от Вас распоряжение о негласном собрании через подопечное Вам дворянство сведений о том: 1) как относятся единоверцы той или иной другой местности к епархиальной власти и к православному духовенству и примечается ли обращение или сближение их в богослужении и в церковном быту с прочим православным населением, 2) сколько поставлено для единоверческих приходов священников из кончивших курс в духовных семинариях и сколько из среды самих единоверцев» [14, л. 4 об.].

В своей переписке с епархиальным начальством К. П. Победоносцев объяснял свое желание иметь сведения не только из одних официальных списков тем обстоятельством, что «делопроизводство часто не успевает за меняющимся положением дел. Так, например, по расколу имелись официальные списки, но «в православных приходах немало встречается лиц, числящихся православными, кои православной церкви не посещают и в действительности пребывают в расколе» [14, л. 5].

Сам стиль работы К. П. Победоносцева характеризовался стремлением получить как можно более обширную информацию с мест. Зная медлительность и формализм деловой переписки, Обер-прокурор стремился к налаживанию личных контактов с церковными иерархами. Кроме того, К. П. Победоносцев уделял большое внимание публикациям в прессе статей, посвященных церковным делам. Его предшественники на этом посту А. П. Толстой (1856–1862), А. П. Ахматов (1862–1865), Д. А. Толстой (1865–1880) строили свою политику, опираясь на официальные отчеты из епархий и на материалы обзоров епархий епископами, представляемыми в канцелярию Святейшего Синода.

Если обратиться к конфиденциальной переписке К. П. Победоносцева с главами епархий, то по данной проблеме в письме к Савве Обер-прокурор писал: «В консисториях все направлено обыкновенно к потушению дел о беспорядках, так как в нашем управлении, особливо в интересах сословной и родственной связи, возбранялась пагубная привычка покрывать друг друга и замазывать всякую грязь. Прежде молчали о сельском священнике, теперь предъявляют требования – иногда и чрезмерные. Все это адресуется обыкновенно обер-прокурору, положение которого крайне затруднительно, ибо, не имея власти, он является, однако, перед всеми лицом как бы ответственным. Мудрено ли, что обер-прокурор обращается вследствие того к Преосвященным со своими конфиденциальными заявлениями? Не в одной Тверской епархии, но и во многих, если не во всех, школою пьянства служат – увы! – духовные семинарии и даже новые Академии, как, например, Московская в нынешнем своем состоянии, и что несчастливая эта привычка заносится из семейства, где нередко развивается пьянство с прочими пороками среди деревенского населения, так проникнутого пьянством. Вречать его радикально сможет только время, но уменьшения его едва ли достигнуть консисторскими средствами» [15, л. 29–29 об.].

Поводом к такого рода обращениям Обер-прокурора служили донесения начальников губернских жандармских управлений по своему ведомству, которые «спускались по принадлежности» в канцелярию Обер-прокурора Синода, пройдя всю горизонталь столичных коридоров власти. По мнению К. П. Победоносцева, особенно неблагополучными в этом отношении считались Тверская и Смоленская епархии, в которых «при немногочисленности и относительной бедности духовенства, оно одержимо привычкою к пьянству» [15, л. 26].

Архиепископы в своей переписке с Обер-прокурором, основываясь на материалах объезда епархии и сводках жандармского управления, признавали существование проблемы пьянства среди сельских священников, но каких-либо кардинальных мер в этом направлении предпринято не было. Как правило, все усилия были направлены на пространную переписку с различными инстанциями, а провинившиеся благочинные оставались на своих местах.

При централизации управления государством, когда Обер-прокурор Синода находился на положении руководителя одного из министерств, невозможно было ожидать введения принципа разделения духовной и светской власти на местах. Именно К. П. Победоносцев завершил оформление Синода как составной части бюрократического механизма Российской империи.

Список литературы

1. **Поспеловский, Д. В.** Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М., 1995. – С. 22.
2. **Никольский, В. В.** Литературная деятельность К. П. Победоносцева / В. В. Никольский // Исторический вестник. – 1896. – Кн. 9. – С. 16–17.
3. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909). – СПб., 1910. – С. 201–203.
4. Гражданин. – 1889. – № 284. – 13 октября. – С. 2–4.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 893. Л. 3об.–4.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1292.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 703. Л. 16.
8. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 625. Л. 4, 5.
9. Свод законов. – 1857. – Т. 1. – Ст. 43.
10. Свод законов. – 1857. – Т. X. – Ч. 1. – Ст. 778.
11. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 587. Оп. 1. Д. 17.
12. ПСЗ. 2. Т. XVI. Отд. 1. 1841 г. Ст. 1409. П. 288.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 262. Оп. 1. К. 26. Д. 60. Л. 6, 7 ; Д. 29. Л. 18 об.
14. ОР РГБ. Ф. 262. К. 38. Д. 73.
15. ОР РГБ. Ф. 262. К. 38. Д. 75.